

что люди, способные увлекаться и обрекать себя на пионерство, жертвуют своимъ временемъ въ надеждѣ, *авось либо* дѣло удастся. Но число увлекающихся дойдетъ до известной суммы и остановится (нельзя, разумѣется, отождествлять число распроданныхъ книжекъ съ числомъ адептовъ, изучившихъ языкъ), а холодный индифферентный міръ не захочетъ жертвовать своимъ временемъ для того, чтобы умѣть переговариваться съ этими немногими,—и этотъ языкъ, подобно прежнимъ попыткамъ, умретъ, не принеся ровно никакой пользы.

Вопросъ объ универсальномъ языкѣ занималъ меня давно; но не чувствуя себя ни способнѣе, ни энергичнѣе авторовъ всѣхъ безплодно погибшихъ попытокъ, я долгое время ограничивался только мечтаніемъ и невольнымъ раздумываніемъ надъ этимъ дѣломъ. Но нѣсколько счастливыхъ мыслей, явившихся плодомъ этого невольнаго обдумыванія, ободрили меня къ дальнѣйшей работѣ и побудили меня испробовать, не удастся ли систематически преодолѣть всѣ препятствія къ созданію и введенію въ употребленіе раціональнаго универсальнаго языка. Мнѣ кажется, что это дѣло мнѣ болѣе или менѣе удалось, и этотъ плодъ продолжительныхъ настойчивыхъ работъ я предлагаю теперь на обсужденіе читающему міру.

Главнѣйшія задачи, которыя требовалось рѣшить, были слѣдующія:

I) Чтобы языкъ былъ чрезвычайно легкимъ, такъ чтобы его можно было изучить шутя.

II) Чтобы каждый, изучившій этотъ языкъ, могъ сейчасъ же имъ пользоваться для объясненія съ людьми